

Концептуальное пространство и контуры новой историографии Казахстана

Преамбула

Поиск новых алгоритмов изучения прошлого определил формирование современных установок сознания ученых-гуманитариев. Пожалуй, этим можно объяснить смену номотетического подхода в исторических исследованиях, представленного в советской историографии марксистской его интерпретацией по преимуществу исследовательским выбором феноменологического направления исторического исследования – попытке понять человека прошлого и в этой плоскости проводить интерпретацию исторического явления.

Центральной проблемой стало изучение человека во всем многообразии его проявлений. Тут в качестве методологии выступает положение цивилизационного подхода о выявлении самоценности общества, его места в мировой истории и культуре. Обоснование национальной модели исторического сознания путем интерпретации своего прошлого через автохтонные механизмы исторического поведения нации [1, с. 8, 12-25] следует рассматривать как расширение вектора культурно-исторических и антропологических исследований.

В то же время реконструирование фактов, самих событий уже не является целью или результатом работы: исследовательский дискурс заключен в изучении социальной психологии как внутреннего механизма функционирования и поведения общества на историческом отрезке времени. На этом фоне достаточно симптоматичными выглядят различные толкования о самом предмете истории. Еще в конце 1980-х начале 1990-х гг. прошли серьезные теоретические дискуссии в ряде международных академических изданий: «History and Theory», «American Historical Review» [2, с. 214-223]. Предметный разговор не обошел и русскоязычный сектор научных журналов: «Общественные науки и современность», «Отечественная история» и другие.

Знаковой переменной можно назвать стремление придать научность истории путем интеграции исследовательской работы историка в методологию точных наук, где базовым конструктом теории и выводов ученого выступает принцип верификации полученных данных. Однако в отличие от естественных наук, история не имеет в арсенале средств эксперимента: даже самое основательное исследование может получить только фрагмент, отблеск прошлого. Но развитие идеи в истории можно проследить, даже имея фрагментарный материал. Таким образом, историк получает не образ происшедшего самого по себе, а образ его восприятия и мысленной переработки [3, с. 445]. Иначе говоря, воссоздание цельной картины исторического прошлого всегда основано на отрывочных, дискретных сведениях, получаемых из исторического источника как «реализованного продукта человеческой психики» [4, с. 54]. Последним, собственно, и объясняется, стремление к выведению особых, в отличие от естественных наук, критериев научности исторического исследования. «Поскольку субъективизм («наполнение определенным смыслом... фактов и событий прошлого»), ...чаще всего расходится с объективным ходом общественно-

исторического развития, постольку объем истинного объективного знания... будет относиться лишь к фактам, отражающим явления реальности, а не к ее сущности» [5, с. 260].

Общей платформой озвученных концепций выступает постулат об отсутствии четкой дистанцированности субъект-объектных отношений в процессе исторического исследования, когда «...мы произвольно подгоняем взгляды и условия прошлого к нашему собственному настоящему и передаем, таким образом, наше понимание прошлого» [3, с. 237]. Признавая взаимную связь и обусловленность совершающихся в общественной жизни событий, М. Блок мотивировал необходимость исторического подхода ко всем социальным явлениям, рассматривая историю как совокупность эволюционных изменений [6, с.8-14]. Утверждение о том, что в исследовании социальной эволюции выражается суть исторического мышления, обосновывает необходимость изучения исторического многообразия социальной действительности [7, с. 27].

Тут можно выделить две составляющие, которые способны выступить интегративной основой для казахстанской историографии: это признание расширения проблематики исторических исследований как важнейшего показателя прогресса исторической науки и на этой базе формирование новых исторических субдисциплин. Очевидно, что теоретико-концептуальной основой будет выступать исследовательский потенциал анналистов, как ее основоположников М. Блока и Л. Февра, так и поздних представителей Ф. Броделя и Ж. ле Гоффа. Если же трактовка исторического процесса учеными, причастными к «школе Анналов» на всех этапах ее существования, отличалась критикой представлений об истории как событийно-описательной или «объясняющей», то в отличие от французской исторической школы, гносеологическая рефлексия казахстанских исследователей нам представляется как гармоничное сплетение идей постмодернизма, синергетики, и, собственно, «школы Анналов». Последнее, в свою очередь, позволит иначе взглянуть на предметное поле исторических исследований и как следствие – изменение отношения исследователя к источникам как гносео-эвристическим и культурологическим установкам прошлого, что уже получает место в историко-источниковедческих коллективных и монографических исследованиях [8-13].

Паттерны прошлого и современность: системность научных ризом

Одной из актуальных проблем фундаментальной исторической науки выступают теоретико-методологические проблемы исторического познания становления и развития государственной независимости Казахстана. В данном аспекте задача состоит не в том, чтобы дать простой фактологический анализ распада империи и возникновения не ее месте малых государств с идентичной предопределенностью судеб. Феномен Казахстана в том и состоит, что вопреки ожиданиям глубокого экономического коллапса и, как следствие, внутренней детонации полиэтничного социума, страна сумела бескровно и почти без всплесков гражданского неповиновения пройти труднопреодолимый путь признания государства в

международном сообществе как равноправного члена. Даже тот короткий отрезок времени, за который республика состоялась как суверенное государство, лишний раз свидетельствует о том, что, с одной стороны, происходит осмысление истории как единого всемирного процесса, а, с другой – все более подчеркивается локальность всякого исторического знания.

К настоящему времени остро назрела необходимость наполнения содержания казахстанской модели развития в новейшее время реальным научно-историческим знанием, которое состояло бы в установлении главных причин и факторов успешности преодоления постимперского этапа и выхода Казахстана на магистраль самодостаточности. В ряду приоритетных задач можно выделить следующие:

- унитарный характер государственного строительства как гаранта целостности страны;
- формирование казахстанского социума не как новой этнической общности, а как общности граждан разных национальностей на основе их гражданского самоопределения;
- модернизация народнохозяйственного комплекса;
- обусловленность проведения поэтапных политических реформ по фарватеру экономического благоприятствования;
- становление Казахстана как реально действующего актора на международной арене.

Не секрет, что по данным направлениям, равно как и по другим аспектам новейшей истории отечества ведется ожесточенная борьба мировоззрений не только среди радетелей и недоброжелателей, но и между настоящими патриотами страны. Во многом это обусловлено фрагментированным историческим знанием о недавнем прошлом. Поэтому задача официальной исторической науки видится в создании целостной картины отечественной истории конца прошлого и начала нынешнего столетия во всем ее многообразии. При этом необходимо выявление структурных моментов развития казахстанского общества. Это позволит представить историю как особую сферу, наделенную своей бытийной спецификой, а с другой – показать ее упорядоченность и, соответственно, изобразить ее как нечто понятное и рациональное.

В настоящее время подобный концептуальный анализ объективного исторического процесса невозможен без учета общемировой тенденции интернационализации всех сторон жизни. Для Казахстана в данном случае он обуславливается сопряжением двух составляющих: движения в сторону глобализации и приверженности Республики Казахстан идеям нового евразийства. Историческая наука в этом отношении уже сыграла важную роль в качестве мобилизующего общественное сознание фактора.

Особенность момента состояла в том, что на вызовы современности по унификации социокультурных процессов она предложила парадигму вхождения в будущее общечеловеческой цивилизации на основе сохранения имманентных черт и национальной самобытности. Одновременно она выступила против цивилизационного противостояния Востока и Запада, континентализма и атлантизма.

В данном контексте задача историков состоит в модернизации этих двух понятий от уровня некоей «мессианской роли» и «особого мироощущения» до понятных всем сентенций полицентрического мира. В пространственно-временном измерении это означает, что глобализация в историческом измерении коррелирует не с новыми империями и мировыми жандармами, а с сухопутными торговыми маршрутами по странам-сателлитам Великого Шелкового пути, не с хронологией и картографией завоевательных походов, а с кросс-культурным взаимообогащением и культивацией общемировых гражданских ценностей. Методологические подходы здесь далеко не беспроблемны, особенно в вопросе о взаимоотношениях между восточной и западной цивилизациями. Роль историков в данном случае найти точки соприкосновения между социально-культурными реалиями, геополитическими интересами и современными ценностно-нормативными приоритетами на основе истории народов евразийского субконтинента. При этом следует учитывать и тот факт, что эскалация национальных и этнических проблем во многом явилась реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации. Историческая наука Казахстана в этом отношении может не противопоставить себя западной техногенной цивилизации, а выступить ее равным партнером, продолжая вносить, но уже в более интенсивном режиме, в копилку мировых ценностей веками копившийся духовно-культурный потенциал общежития и толерантности. Обуславливается это тем, что в глобальном знании не может быть объекта без субъекта познания и что целостность мира, человечества предполагает в своей основе взаимозависимость образов и сущностей этой целостности.

Историческое знание: звенья исследовательских новаций

Крушение советской системы, как никогда ранее, актуализировало потребность в ретроинформации как в силу необходимости лучше познать современность, так и как воплощение преемственности исторического процесса. Понимание того, что история как прошлое находится в тесной связи с современностью, интегрирована и тесно переплетена с ней, находит отражение в общественных, экономических, социальных, культурных, политических процессах современности.

Приоритеты исследования при понимании исторических процессов определили два фундаментальных вектора исторической эпистемологии: принятие априори идеи обособленности гуманитарного знания и свойственных ему особой эмпирики как доказательной основы исследований с обязательными элементами визуализации результатов работы, и второе – использование методов точных наук как вероятностный подход объективности и научности исторического исследования.

Последнее часто связывают со сциентизацией истории, проведением междисциплинарных исследований и возникновением на этой основе новых исторических субдисциплин: психоистория, история ментальностей, гендерная история, клиометрия и т.д. «Методологическая революция» 60-70-х гг. XX века в западной историографии, в 1970-1980 годы получила продолжение в работах И.Д. Ковальченко, с именем которого заслуженно связывают становление советской школы квантитативной истории, активной интеграции исторических исследований в методологию естественнонаучных дисциплин.

Особенностью современного этапа истории выступает тесная интегрированность, а порой – зависимость протекания исторических процессов от информационных технологий как ключевого базиса поступательного развития общества. По выражению того же М. Кастельса, информационные технологии формируют не только образ современного общества, но определяют модели поведения и особенности его развития [14, с. 23-51]. Фундаментальная черта, которую привнесли в общество информационные технологии – интеграция как стирание физических границ и идеологических барьеров, привносит в исследование процессов современной истории целый комплекс несвойственных традиционной истории терминов, категорий и положений, без которых понимание современной истории порой становится невозможным.

Информационные процессы в историческом прошлом, как срез историко-тематического вектора исследований, получают ныне свое логическое развитие. При этом предлагают различные интерпретации самого исследовательского нарратива: от применимости теории информации в истории до использования синергетики как общей методологии исследований [15-16]. Гносеологический тезис выстроен на определении задач исторического исследования. Точнее, представления о том, что поскольку исследование прошлого базируется на информации как таковой, то и соответственно, данная категория должна выступать интегративной основой исследовательского посыла анализа исторических процессов. Все социальные процессы, связанные с хранением, передачей, переработкой социальной информации в прошлом, должны быть проанализированы с точки зрения их информационного содержания, материализации значения, знакового выражения, различий интерпретаций [17, с. 6].

Источниковедческая эвристика выстроена в рамках инновационных представлений о формах и возможностях анализа содержания источника исторической информации, которое материализовано в электронной форме. Рефлексия познания выражена как перенос акцентов на процессы функционирования, трансформации исторического источника в социокультурном контексте.

Эволюция машиночитаемых источников в новый, электронный формат и обособление последних как самостоятельной формы источников, расширяет информационные координаты исторических исследований в Казахстане. Пристальный интерес, проявляемый государством и обществом к своей истории, особенно актуализирует

постановку вопроса анализа исторического процесса как многовариантной интерпретации исторической действительности. В этом контексте электронный источник отражает многообразие информационного потока о процессах и явлениях в современной истории Казахстана, выступает репродукцией состояния и динамики исторической компоненты, содержательно отраженной во множестве однопорядковых, взаимообусловленных векторов синергий посредством ее материализации через цифровую среду.

Информационное обеспечение гуманитарной науки Казахстана напрямую связано с исследованием специфики исторического мышления, поиском научных методов постижения исторического процесса в контексте философии истории. Не секрет, что до сегодняшнего времени специалисты-гуманитарии не в состоянии оперировать научным инструментарием, наработанным в мире за годы советской изоляции. И даже сегодня информация о мировых достижениях доходит до них опосредованно, порой через тенденциозно интерпретирующие каналы. Между тем, информационный ресурс общества наряду с природным и техногенным становится цивилизационнообразующим фактором.

Небывалый рост исторических источников массового характера, характеризующих массовые явления и процессы, содержат как качественную, но в большей степени, количественную информацию. Это статистические материалы и данные конкретно-социологических обследований, делопроизводственная документация различных учреждений и организаций, документы личного учета и многие другие. Многообразие таких источников, получивших название «массовые», поставило перед теоретическим и прикладным источниковедением проблему выработки комплексного, интегрального подхода к их изучению.

В качестве общенаучной методологии источниковедческого исследования в данном случае выступает теория информации, которая позволяет классифицировать исторические источники: по целям создания, по способам фиксации информации, по каналам передачи, по формам отражения информации, по объекту отражения информации, по целевому назначению информации, по методам и принципам фиксации информации, по содержанию и характеру информации. Информационная деятельность как процесс производства, распространения, хранения и использования информации реализуется через многообразие средств, способов, носителей социальной информации. Вкупе вся совокупность их представляет собой особый источник исторических данных, специфика появления и формирования которых обуславливает и соответствующие подходы и приемы исследования.

Вместе с тем, до сих пор в изучении информации преобладает технократический подход, сужающий понимание сущности информации, ее роли в развитии общества. Попытки синтеза представлений об информации, способах анализа ее жизнедеятельности, роли в системе коммуникаций требуют усиления междисциплинарности и поиска общенаучного метода. Подобный синтез подходов к изучению информации возможен лишь в гуманитарной сфере, в сфере исторического

знания, что предполагает расширение объекта исследования и обновления методов источниковедческих, что в свою очередь, приводит к усложнению структуры источника, увеличению их количества и видов по мере развития общества и возникновения новых способов информации.

Научно-историческое описание новой формы информационной деятельности общества видится в двух исследовательских аспектах: в историко-описательном хронологическом срезе как социальной действительности; в источниковедческой традиции как предметного пространства способов объективации и приемов извлечения контекстных данных в динамике анализа коммуникативного воздействия на социальные процессы в истории.

Сужиков Б.М., к.и.н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан)

Алимгазинов К.Ш., д.и.н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан)

Литература:

1. Назарбаев Н.Ә. Тарих толқынында. – Алматы: Атамұра, 2003. – 288 б.
2. Кунина А.Е. Проблемы методологии в журнале «История и теория» (США) // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 214-223.
3. Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 579 с.
4. Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории: Учебное пособие. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 72 с.
5. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 438 с.
6. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
7. Иванов В.В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. – М.: Наука, 1973. – 288 с.
8. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – 701 с.
9. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 797 с.
10. Есмағамбетов К.Л. Әлем таныған тұлға: М. Шоқайдың дүниетанымы және қайраткерлік болмысы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 504 б.
11. Қинаятұлы З. Қазақ мемлекеті және Жошы хан. – Астана: Елорда, 2004. – 344 б.
12. Ермұқанов Б. Қазақстан: тарихи-публицистикалық көзқарас. – Алматы: Ғылым, 2000. – 248 б.
13. Современное состояние и перспективы развития исторической науки Казахстана и России: Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. С.Ф. Мажитова. – Алматы: Тарих тағылымы, 2008. – 424 с.
14. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. – 2000. – №1. – С. 23-51
15. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2002. – 437 с.
16. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М. ИФРАН, 1999. – 203 с.

17. Хвостова К.В., Бородкин Л.И. Роль информации в историческом прошлом // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 326 с. – С. 5-8